

Людей трудно мобилизовать на что-то доброе; если бы люди бросались на помощь ближнему, или хотя бы на благоустройство территории, с таким же энтузиазмом, как на борьбу с врагами, мы жили бы почти в раю. Но это, увы, не так.

Может ли национальная принадлежность человека быть чем-то ценным в очах христианина? Да. Не существует сферических людей в вакууме; у любого человека есть отец и мать, родной язык, культура, в которой он вырос, и это важная часть его личности.

Сергей Худиев

Для вечности воскреснут реальные, а не абстрактные люди, а у реальных людей есть национальность. В раю преподобный Андрей Рублев остается русским, а Джотто – итальянцем.

Между святыми в раю нет разделений; они пребывают в совершенном единстве. Но это органическое, а не механическое единство, в которое люди входят как органы в тело, а не как песчинки в кучу песка.

Поэтому мы можем говорить о соборе Русских Святых, которые пребывают с нами, русскими христианами, в особых отношениях.

Не потому, что святые других народов нам менее родные – но потому, что русские святые имеют, по воле Божией, особое попечение о России.

Здесь, на земле, где нам заповедано любить ближнего, который тоже не является сферическим ближним в вакууме – он является членом нашего народа, жителем нашей страны, находится под властью нашего государства, и забота о его благе предполагает заботу о состоянии этих больших общностей.

Процветание, благоустройство и безопасность отдельных людей зависит от благоустройства страны в целом. Поэтому, разумеется, у христианина есть обязательства по отношению к своей стране и своему народу. Раз промысел Божий соделал нас гражданами России, значит Богу угодно, чтобы именно здесь мы и служили Ему и ближнему.

Национальная идентичность, таким образом, является частью Божьего творения, а любовь и забота по отношению к своим согражданам – благим и прямо заповеданным делом.

Национализм первоначально обозначает себя как именно такую любовь и такую заботу – но очень скоро мутирует во что-то другое.

Выясняется, что нашему народу мешают жить злые враги, которые несут ответственность за все наши беды, и любить свой народ – это значит ополчаться на этих врагов. Любая созидательная деятельность предполагается невозможной и бессмысленной до полной победы над врагами. Более того, вскоре выясняется, что значительная часть людей своей же нации и даже этнической группы – тоже враги, продавшиеся неприятелю за его грязные подачки.

В Руанде, где в июне 1994 года произошел известный геноцид между народностями хуту и тутси, национальный поэт хуту Саймон Бикинди сложил песню «Нанга абахуту» («Ненавижу тех я хуту»), в которой он выражает крайнее негодование на тех своих собратьев-хуту, которые не проявляют должного рвения к резне тутси.

Приведем пару строк в прозаическом переводе. «Я ненавижу тех хуту, тех чванных хуту, надменных, что пренебрегают другими хуту, дорогие товарищи! Как это можно пренебрегать своими?... Ненавижу я их и не буду за это извиняться!»

Если ты любишь свой народ, ты должен пойти и вырезать семью соседа, потому что, как сказал тот же поэт, «Тутси – это жестокие звери, гнуснейшие гиены, хитрее носорога...»

Ничего специфически африканского, тут нет – хорваты и сербы, например, несомненно, европейские народы с древними и высокоразвитыми культурами. А немцы так и вовсе были культурнейшим народом на свете.

Национализм очень быстро превращается в религию ненависти и выстраивает такой образ нации, в котором ее главными символами и героями оказываются не ее святые, не поэты, не ученые, не художники, а наиболее мрачные головорезы, которых только можно отыскать в национальной истории.

Что-то человеческое, теплое, вроде национальных традиций празднования Рождества или народных песен, которые поют девушки летними вечерами, остается за пределами этого национализма, весь его пафос – а пафосом он преисполнен – это пафос борьбы с подлыми врагами и подлыми предателями, которые не хотят с ними бороться.

Конечно, с определением национализма как религии ненависти охотно согласится всякий националист – в отношении национализма соседа.

Соседский национализм – это тяжкое, гнусное безумие, воплощение худших национальных качеств [соседа](#). Его герои – людоеды, его версия истории – собрание нелепых выдумок, его песни – гнусный вой орков.

А вот наш национализм – это совсем другое дело. Это выражение воли нашего народа к достойной жизни, которой мешают коварные враги. Со стороны, однако, разницу усмотреть трудно.

Фото: izvestia.ru

Почему так происходит? Мы, люди, нуждаемся в общности со своими ближними. Мы так

созданы. Грех привел к утрате этой общности, человеческий род разбит и расколот; но люди испытывают глубочайшую потребность в этом единстве.

Книга Деяний Апостольских описывает проблеск рая в первохристианской общине: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4:32).

Однако, как браку противостоят извращения, как подлинной радости противостоит эйфория наркомана, так и единству, которое дает Святой Дух, противостоит единство, которое дает совсем другой дух. Человек ищет хороших вещей – радости, удовольствия, единства – и хватается за бесовские подделки, потому что ему кажется, что они ближе, доступней и дешевле.

Человек грешен, и в качестве объединяющей и мобилизующей силы ненависть работает лучше.

Люди, которые вместе противостоят кому-то, ненавидят кого-то, переживают эйфорическое чувство единства. Они – вместе, они – боевые товарищи, они братья. Это чувство братства покупается ценой ненависти к врагам – коварным иностранцам, подлым инородцам, проклятым предателям — но оно реально.

В реальности, правда, братство держится недолго – вскоре боевые товарищи могут начать выяснять отношения между собой – но упоение единством какое-то время работает.

Строить отношения с людьми, учиться доверять и оправдывать доверие – трудно. Это узкий путь усилий и разочарований, в себе и в людях, требуется решимость, чтобы продолжать идти по нему. Национализм создает быструю иллюзию общности – чувство братства без тех трудов, которых бы потребовало создание подлинного братства.

Националистические шествия (всех наций) всегда производили на меня впечатление

какой-то черной мессы; потом я понял, в чем дело. Колонна, хором отзывающаяся на ритмичные выкрики ведущего, действительно пародирует ектенью. Только вместо обращения к Богу тут происходит обращение к кому-то другому, и вместо призывания милости – призывание смерти на тех или иных врагов.

Конечно, не каждый националист – Саймон Бикинди; это духовная болезнь, которая имеет свои стадии и в разной степени поражает принявший ее организм. Но приводит она именно к тому, к чему приводит – в Руанде, в Югославии, в Нагорном Карабахе, везде.

Ненависть – быстрый, эффективный и дешевый способ мобилизации сторонников. Те, кто прибегают к нему, в короткой перспективе выигрывают, а долгая их не интересует.

Людей трудно мобилизовать на что-то доброе; если бы люди бросались на помощь ближнему, или хотя бы на благоустройство территории, с таким же энтузиазмом, как на борьбу с врагами, мы жили бы почти в раю. Но это, увы, не так.

Побудить людей делать то, что Вы хотите, склонить их встать под Ваши знамена, «чувства добрые пробуждая», очень трудно. Гораздо проще пробуждать самые мутные и звериные инстинкты. Человек грешен, ему всегда легко превратиться в Истинного Хуту.

Второй фактор, благодаря которому национализм очень быстро мутирует из чего-то безобидного, вроде любви к национальным костюмам, в полноценную религию ненависти – это его притязания на абсолютную преданность и повиновение. «Нация превыше всего»; она – или, вернее, от ее имени – требуют убивать и умирать. Это идолослужение; и как всякое идолослужение оно разрушает душу. Чего только не сделаешь ради нации? Какой только гнусности не совершишь?

Может ли христианин быть националистом? На ранних стадиях, еще да – пока бес еще не требует человеческих жертвоприношений, а медленно и осторожно внушает жертве такую картину мира, в которой они будут уместными и оправданными.

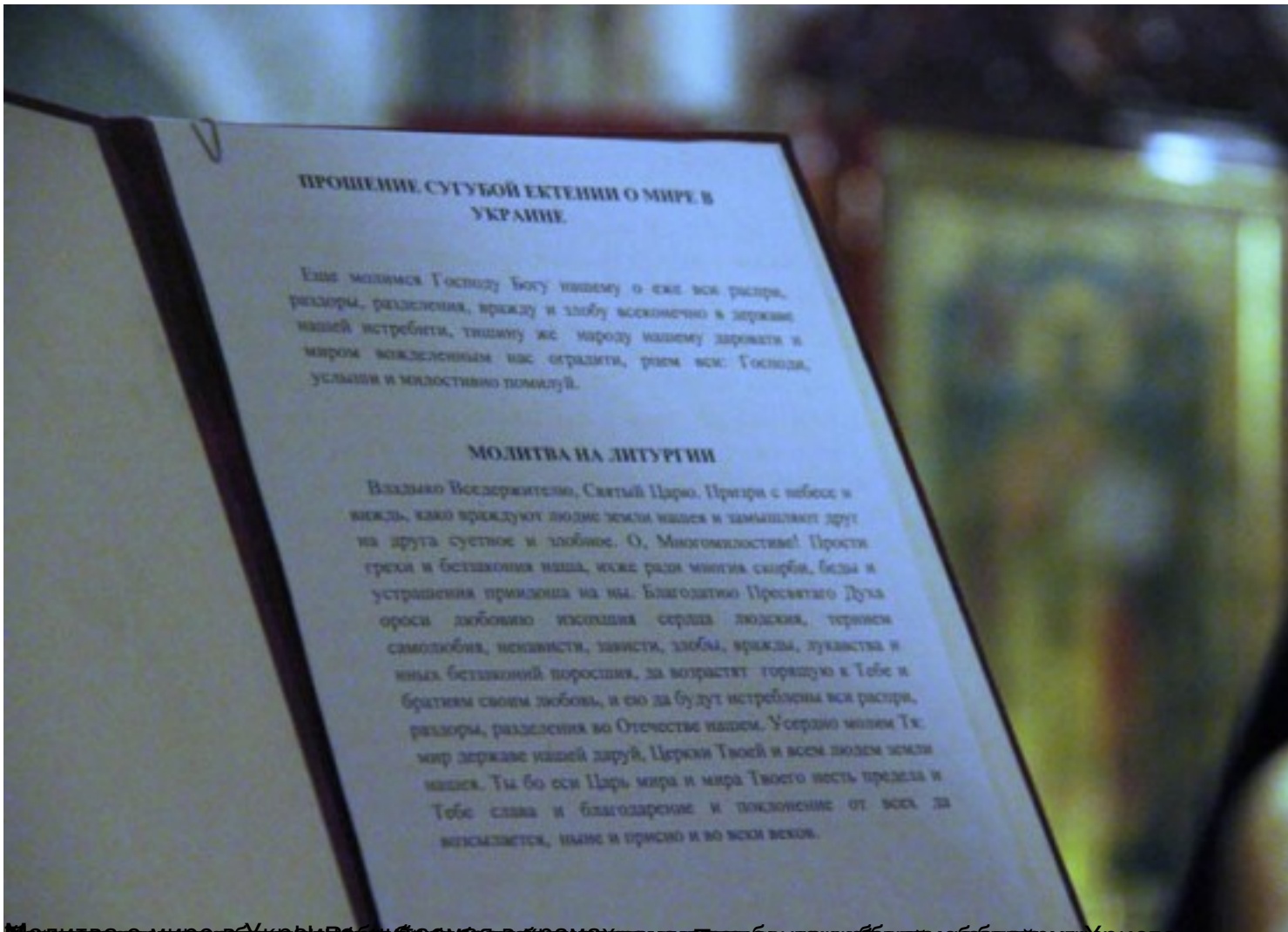
Но рано или поздно наступает момент, когда от человека начинают требовать преступить заповедь, сначала молча смириться с явным беззаконием, провозглашаемым и творимым во имя нации, потом публично одобрить его, потом принять в нем участие.

Тогда ему приходится выбирать – между требованиями слова Божия и требованиями, выдвигаемыми от имени нации. Происходит разрыв либо с национализмом – нет, вот *это го* я одобрять и делать не буду – либо с христианством.

При этом формально, конечно, человек может оставаться христианином – вон, хорватские усташи были чрезвычайно набожны – но для него нация гораздо важнее Христа.

Существует ли здоровое национальное чувство? Конечно, и входя в православный храм мы присоединяемся в молитве к нашему народу – так молились русские люди на протяжении долгих столетий нашей истории, здесь они находили поддержку и утешение, веру и надежду, то, что наполняло их жизнь смыслом.

Более того, наши предки в вере, те, кто прошел путем Православия до нас, пребывают здесь, с нами и молятся за нас, в лике святых, прославленных Церковью – или известных только на [Небесах](#) .

Может ли христианин быть националистом?